

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

**Читайте в серии
«ДЕЛА СУДЕБНЫЕ»:**

Божий дар

Кредит доверчивости

Красотка

ДНК гения

Жилье по обману

По ЗОЖу сердца

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

**ПО
ЗОЖУ
СЕРДЦА**

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Дизайн обложки *С. Курбатова*
Редактор серии *А. Антонова*

В коллаже на обложке использована иллюстрация:

© woodpencil, weter 777 / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 По ЗОЖу сердца : [роман] / Татьяна Устинова,
Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-115474-5

Судью Елену Кузнецову подставили и оклеветали! Против нее ополчились все столичные СМИ — кто-то весьма успешный и влиятельный затеял эту травлю в массмедиа. Следы ведут в компанию, специализирующуюся на здоровом питании и техниках просветления. Лену угораздило однажды сходить туда на тренинг и благополучно покинуть это заведение, а теперь ее обвиняют во всех мыслимых и немыслимых грехах. А ведь совсем недавно подобные проблемы настигли и других успешных женщин, посещавших эти тренинги, и теперь их судьба плачевна. Лене придется приложить все силы, чтобы не повторить их историю...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Астахов П., Устинова Т., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-115474-5

ГЛАВА 1

ПРО СЛОМАННУЮ НОГУ, ПОРЕЗАННУЮ РУКУ И РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Что может быть уютнее, чем утро первого января?

За час-другой до рассвета шумный праздник наконец затихает, и в целом свете устанавливается хрустальная тишина. Воздух пахнет порохом, хвоей и мандаринами, на елке гипнотически мигают разноцветные огоньки, и тело греет теплый плед, а душу — мысль о том, что в холодильнике полно вкусной еды, которой хватит еще на пару дней.

Ах, как спокойно и бестревожно чудесное утро первого января...

Ба-бах!

Хрустальная тишина разбилась с грохотом и дребезгом. Старый дом содрогнулся.

Бабахнуло очень близко и совершенно не похоже на праздничный салют, к тому же

крики за взрывом последовали отнюдь не радостные. Информации в них содержался сущий минимум: кто-то отчаянно ревел, а кто-то прочувствованно матерился.

Я различила два голоса, и оба были мне прекрасно знакомы. Трубный лосиный рев издавал мой любимый племянник Сенька, а вдохновенно ругалась его мама Натка.

Я торопливо выпуталась из пледа, в который заботливо запеленал меня похрапывающий рядом Никита. Сам он предусмотрительно уснул, накрыв голову подушкой, и потому сейчас только поворочался немного, недовольно бормоча.

Не теряя времени на поиски тапок, я поспешила на шум.

Ругань уже стихла, но рев еще продолжался и служил мне указателем направления. Он был совсем не лишним: в недавно перестроенном летнем доме Говорова я еще не освоилась и в темноте ориентировалась плохо, а искать на стенах выключатели в спешке не стала.

Вскоре выяснилось, что электрическим освещением пренебрегла не только я.

Источник шума обнаружился в кладовке.

Я не сразу поняла, что именно происходит, потому что в помещении было темно, только у самого порога лежал включенный фонарик, бестолково подсвечивающий снизу высокий, до потолка, стеллаж с домашней консервацией.

В круге желтого света красиво блестели выпуклые бока трехлитровых банок, яркий блик в нижнем ярусе сюрреалистически акцентировал красную скибку соленого арбуза. Испещренная черными семечками, она неприятно походила на издевательскую улыбку, кариозную и щербатую.

— Весело, весело встретим Новый год, — пробормотала я и запоздало охлопала стену у двери в поисках выключателя. Свет зажегся, а рев неожиданно испуганно притих. — Вау! Ничего себе!

— Ты только не подумай, мы не нарочно, — заверила меня Натка и отпихнула носком промокшего тапка кусок на редкость дюжего соленого огурца.

Тот покатился колбаской и остановился, вызывающе покачиваясь в неустойчивом равновесии, в шаге от меня.

Я не выдержала и тоже наподдала ему ногой.

— Вы зачем сюда залезли?

Кладовая, стратегические запасы в которой сформировали еще бабушка и дедушка Говорова, царство им небесное, представлялась мне чем-то средним между сокровищницей Али-Бабы и музеем капитал-шоу «Поле чудес».

Судя по количеству и глубине полок, сплошь заставленных банками, коробками, ящиками и даже бочонками, запасливые предки моего любимого мужчины обеспечили пропитанием не только самого Никиту, но и его потомков до седьмого колена. Причем как сухим пайком, так и мокрым: прямо сейчас на утоптанном земляном полу имелась обширная едко пахнущая лужа.

Мои собственные любимые родственники умудрились обрушить полку с солеными огурцами и маринованными помидорами.

— Я есть хотел, — шмыгнул носом Сенька, и я вытаращилась на него в неподдельном изумлении.

Какой российский человек может испытывать чувство голода утром первого января?! Еды на праздничном столе имелось столько, что хватило бы на роту солдат, а нас-то и было всего пятеро. Причем Сашка, убежденная сто-

Дела судебные • По ЗОЖу сердца

ронница ЗОЖ, не объедалась и вообще уехала сразу после полуночи, а мы, оставшись вчетвером, даже до праздничного торта не добрались...

А! Торт!

Теперь я все поняла.

Проснувшись утром, Сенька — он у нас парень самостоятельный — решил роскошно позавтракать тортом, а я-то ведь его убрала со стола. В битком набитый холодильник торт не влез, я отнесла его в кладовку и...

Пошарив взглядом по полкам, я быстро нашла знакомую коробку.

Какое счастье, торт не пострадал! А огурцов с помидорами у нас еще очень много.

— Что ж ты свет-то не включил? — попеняла я юному расхитителю гробниц, то есть кладовок.

— Не хотел никого разбудить.

— Да ладно?

Натка захихикала, но тут же скривилась:

— Ой, рука...

— Что с рукой? — Оставаясь на пороге, над лужей, я вытянула шею, как гусь, и встревоженно зашипела: — Натка, ты поранилась?!

— Немного порезалась. — Сестра повернула руку, и я увидела, что пальцы у нее в крови.

— У мамы — рука, а у меня нога. — Сенька взбрыкнул коленкой и хныкнул.

— А головы ни у кого из вас нет, — не удержалась я. — Сидите, не двигайтесь, я сейчас обуюсь и буду вас спасать!

Я сбегала в прихожую, нашла там бабкины резиновые галоши, вернулась в кладовку и в обход опасных зазубренных стекляшек поочередно вывела из нее сестру и племянника.

Сенька морщился и скакал на одной ножке, а Натка шла нормально, только нервировала меня тем, что с выражением безропотного страдания на лице постоянно шевелила пальцами раненой руки, как бы проверяя, не отказались ли они еще ей подчиняться.

Выглядело это жутковато — окровавленная рука, пылливо щупающая в воздухе что-то невидимое... Для голливудского фильма ужасов подходящая сценка.

Перебазировав пострадальцев на кухню, я щедро залила Наткину руку перекисью. Потом аккуратно замотала ее одной льняной салфеткой, а вторую такую же привязала сестре на шею, соорудив подобие подвесной люльки для поврежденной конечности. Сеньке к травмированной ноге я приложила

лед, но было ясно, что этого недостаточно: лапка у пацана опухала на глазах. Пришлось вызванивать такси и ехать в поселковую больницу.

Там было на удивление многолюдно: кроме нас, помощи дожидались участники масштабной праздничной драки, пара олухов, накосячивших с запуском фейерверка, и бабулька с приступом желчекаменной болезни. Последняя выделялась в толпе раненых, как белая ворона.

Никита всю эту безрадостную суету преспокойно проспал, но сразу после пробуждения получил неприятный сюрприз в виде известия о нашем досрочном отъезде.

Вообще-то планировалось, что мы все, за исключением Сашки, которая сразу после полночных курантов на электричке укатила на горнолыжный курорт к друзьям, останемся в поселке у моря на зимние каникулы. Говоров специально к этому времени приурочил еще что-то из своих бесконечных ремонтных работ. Но, поскольку выяснилось, что у Сеньки перелом, а у Натки глубокие порезы, решено было срочно вывезти раненых на большую землю — домой, в Москву. На малой родине Говорова им, ущербным,

было бы некомфортно, потому что теплый санузел Никита хотя и соорудил уже, но пока только во временной версии — не в доме, а отдельном строении, которое со временем должно было разрастись до благоустроенного гостевого домика. От порога до него было метров тридцать, но, увы, по сильно пересеченной местности. Затеянный Говоровым ремонт впечатлял масштабами, в первую очередь землеройных работ. Ясно было, что Сеньке с его ногами по зимнему времени регулярно преодолевать полосу препятствий на пути в клозет будет трудно.

В общем, на семейном совете в Филях было решено, что Натка с сыном возвращаются в столицу, и я лечу с ними, потому что кто-то же должен за этими бедолагами ухаживать. Натка с поврежденной рукой ни поесть приготовить не сможет, ни уборку сделать...

Никита, запланировавший себе кучу дел по ремонтно-строительной части, прямо сейчас вернуться вместе с нами не мог, и очень по этому поводу злился.

Во всяком случае, выглядел он чрезвычайно недовольным, отчего Натка с Сенькой виновато притихли, а я даже испытала нечто вроде законной женской гордости.

Дела судебные • По 30Жу сердца

Вот какой у меня мужчина, хочет проводить свое время со мной, а не в гараже или на рыбалке, как некоторые!

Модель поведения, при которой представители сильного пола максимально дистанцировались от супругов и детей, я успела увидеть на примере соседей по поселку. Здешние мужики не затруднялись найти повод слиться от семейного очага.

В общем, мы снова собрали чемоданы, которые толком не успели распаковать, и улетели в Москву.

Хворые родичи поселились у меня, заняв временно свободную комнату Сашки, и пару дней я честно изображала из себя сестру милосердия, а потом случилось страшное.

Я уличила своего идеального мужчину в измене.

Не зря говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад.

Зачем я поехала поливать эти несчастные кактусы? Стояли они без полива неделю и еще столько же с легкостью выдержали бы до приезда хозяина. Это же кактусы! Им вообще вода почти не нужна!

Зато мне было очень нужно ощутить свою причастность к жизни любимого. Не очень-то

меня заботила судьба кактусов, если честно, я просто соскучилась по Говорову, по своей роли любимой женщины и без пяти минут супруги, хозяйюшки и хранительницы семейного очага. Позаботившись о кактусах, я бы еще рубашки, например, переглядила, пыль стерла...

Ключи от своей квартиры Никита мне дал еще осенью. Я даже не просила, правда! Он сам настоял, чтобы я их взяла.

О чем я думала, по-хозяйски втыкая ключ в замок?

Я предвкушала, как вдохну знакомый запах любимого, может быть, даже переоденусь в его домашнюю рубашку — фланелевую, клетчатую, на мне превращающуюся в короткий халатик...

Дура.

Дверной замок неожиданно оказал мне сопротивление. Я отвлеклась от мыслей об уютной, теплой, еще пахнувшей Говоровым рубашке, осмыслила происходящее и предположила, что изнутри в замок уже вставлен ключ.

Это могло означать лишь одно: Никита вернулся раньше, чем ожидалось. Глупое сердце мое забилось живее, улыбка расползлась от уха до уха, и, едва дверь открылась, я ввалилась в нее с радостным криком: «Сюрприз-и-из!»

Сюрприз получился что надо.

Дверь мне открыл не Говоров, а незнакомая дамочка небольшого роста и не столь уж великих лет. Не больше тридцати, пожалуй, судя по свежему личику, хорошенькому даже без косметики. Одета дамочка была в банный халат, на голове у нее красовался изящный тюрбан из полотенца — нежно-розового, с вышитыми по всему полю прелестными цветочками.

«Такая... в жутких розочках», — вспомнилась мне вдруг реплика сплетницы из фильма «Служебный роман».

Почему-то именно эти розочки произвели на меня особенно сильное впечатление.

Я точно знала, у Говорова не имелось никаких банных принадлежностей розового цвета, тем более с вышивкой. То есть эта мымра к нему уже со своими вещами явилась!

Сердце мое упало и взгляд тоже, обреченно прокатившись по мымре сверху донизу. На нижней оконечности мымры имелись еще домашние тапочки. Желтенькие, пушистые. Мои собственные. Я ведь тоже уже начала было перебираться к Никите с вещами...

— Здравствуйте, а вам кого? — как ни в чем не бывало поинтересовалась мымра в моих тапочках и своих цветочках.